

ВОЛЬФ МЕССИНГ

Я-
ТЕЛЕПАТ
СТАЛИНА

Сокровенные мемуары

Вольф Мессинг

Я – телепат Сталина

«Автор»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мессинг В.

Я – телепат Сталина / В. Мессинг — «Автор», — (Сокровенные мемуары)

ISBN 978-5-9955-0873-1

Его величают «личным экстрасенсом Сталина». Ему приписывали сверхчеловеческие способности. Его считали не просто телепатом, умеющим читать и внушать мысли, но ясновидцем, чародеем, пророком, способным «проходить сквозь стены» и предсказывать будущее... Те «мемуары Вольфа Мессинга», что печатались при его жизни в журнале «Наука и религия», были сфальсифицированы советской пропагандой. А его подлинные воспоминания, тайком переправленные в Израиль, ждали публикации более сорока лет. В этой книге великий экстрасенс впервые мог рассказать всю правду о своей жизни и своем уникальном даре, о работе на советскую контрразведку и разоблачении вражеских агентов, о личных встречах с Пилсудским и Канарисом, Абакумовым и Хрущевым, Берией и Сталиным: «“Как вам это удастся?” — спросил Берия. Я честно ответил, что не знаю как. Слово «сверхъестественные» не очень-то подходит к моим способностям, лучше сказать «необъяснимые». Во многом они являются тайной и для меня самого. Все ученые, которые пытались изучать мой феномен, так и не поняли его природу. Я и сам не могу объяснить, как именно я это делаю. Просто делаю — и все... «Были моменты, когда я подозревал, что Сталин тоже умеет читать мысли. Возможно, не так хорошо, как я, но умеет... Когда в СССР начались гонения на евреев, это не могло не сказаться на моем отношении к Сталину. Я уже не мог им восхищаться, но понимание того, что Сталин — гениальный человек, осталось. Он был невысок, но, глядя на него, я не мог отделаться от чувства, будто бы он стоит на пьедестале, потому что он казался выше всех, значимее всех. Культ личности Сталина возник неспроста. У такой необыкновенно одаренной личности просто не могло не быть культа...»

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0873-1

© Мессинг В.

© Автор

Содержание

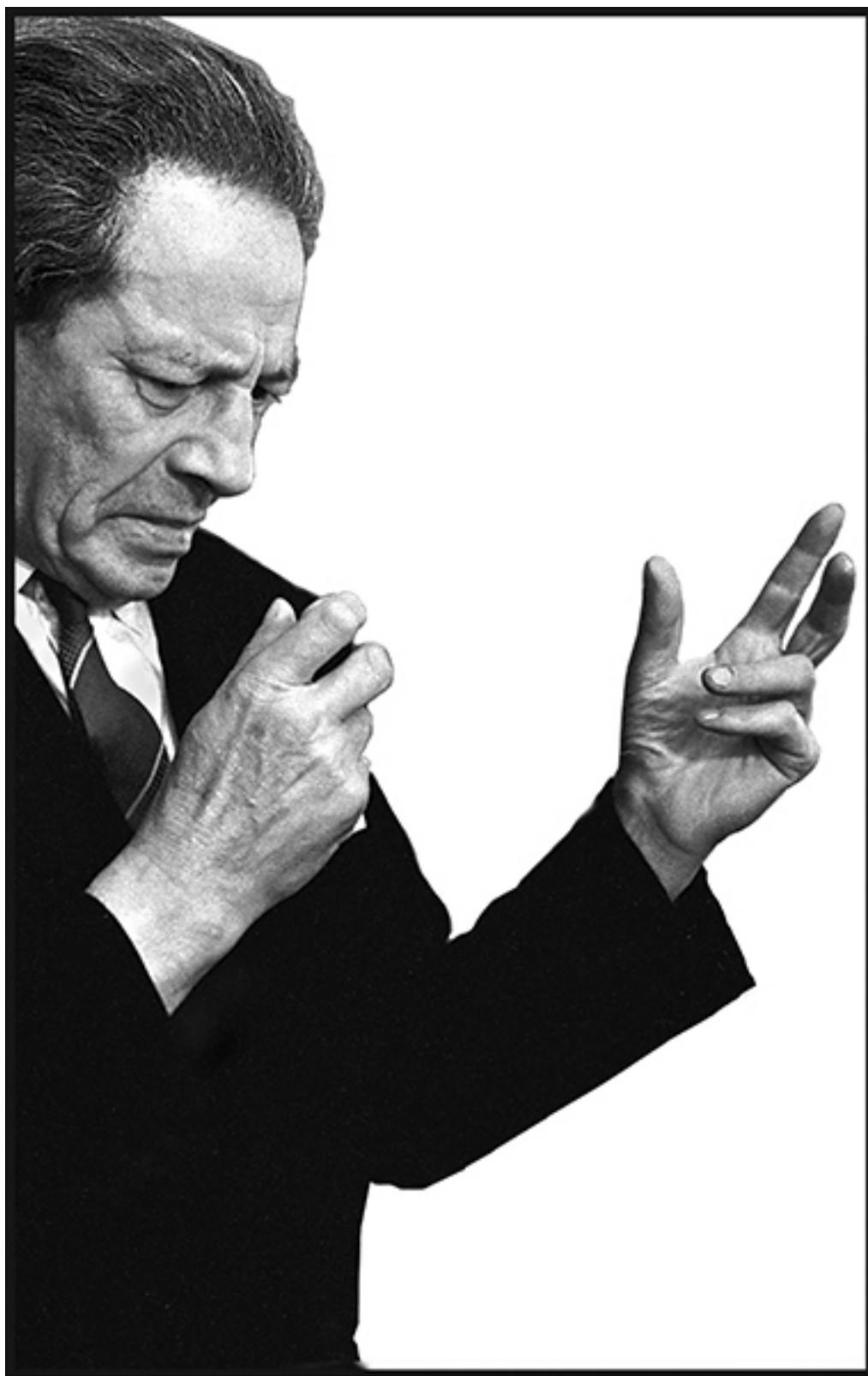
От редакции	7
Вступительное слово	9
Моя жена Аида	12
Пилсудский	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вольф Мессинг

Я – телепат Сталина

© ООО «Яуза-пресс», 2016

От редакции

Обретению воспоминаний Вольфа Мессинга мы обязаны счастливому стечению обстоятельств.

Вольф Мессинг завершил написание своих мемуаров в первой половине 1974 года. Он хорошо понимал, что в то время шансов на издание его воспоминаний в СССР не было. Поэтому он передал рукопись своему другу, администратору Госконцерта СССР Абраму Соломоновичу Каплуну, который в 1974 году получил разрешение на выезд в Израиль. Мессинг надеялся на то, что в Израиле его воспоминания будут опубликованы. Однако жизнь распорядилась иначе. По неизвестным причинам Абрам Каплун не стал публиковать рукопись Мессинга после своего приезда. Возможно, сыграло свою роль отсутствие официального разрешения от автора на публикацию или же то, что вскоре после приезда в Израиль Абрам Каплун тяжело заболел. После кончины Абрама Каплуна его архив хранился в одном тель-авивском «бейт авот» – доме престарелых, где Абрам Каплун, не имевший родных, провел остаток своей жизни. В 2013 году дом престарелых был закрыт. Архив вместе с прочим не подлежащим продаже имуществом предназначался к выбросу на свалку, но несколько энтузиастов, в числе которых была журналист Галина Коган, решили сохранить ценные свидетельства, часть нашей общей истории. Среди того, что им удалось спасти, оказались бесценные в полном смысле этого слова воспоминания Вольфа Григорьевича Мессинга, человека-загадки, самого известного телепата XX века, которого не без оснований называли «личным экстрасенсом Сталина». Поняв, какое сокровище попало к ней в руки, Галина Коган решила перевести воспоминания Вольфа Мессинга на русский язык и опубликовать их там, где Вольф Мессинг прожил вторую и лучшую половину своей жизни, там, где его знают и помнят.

Редакция выражает глубокую признательность Галине Яковлевне Коган за сохранение воспоминаний Вольфа Мессинга и перевод их на русский язык.

Вступительное слово

Труднее всего начинать. Особенно если начинаешь что-то незнакомое. Я никогда не писал ничего длиннее писем, да и они получались у меня короткими, больше похожими не на письма, а на телеграммы. Моя покойная жена Аида¹ много лет уговаривала меня написать книгу о себе. Уговаривала очень настойчиво, приводила разные доводы, взывала к моему самолюбию. Главным ее доводом было: «Человек должен после себя что-то оставить! Никто не вечен, даже длинный день заканчивается». Бедная Аида, она так переживала нашу бездетность. Под конец смирилась, но я видел, что это смирение было притворным. Ей очень хотелось, чтобы после меня, после нас что-то осталось. Другой довод: «Про тебя ходит столько слухов, один сказочнее другого, неужели ты не хочешь рассказать о себе правду?» Слухов обо мне ходит много, это так, но слухи меня никогда не волновали. Пускай выдумывают что хотят! Это Аида сердилась, когда слышала ложь обо мне. Однажды случилось так, что ей пришлось возвращаться из Одессы в Москву одной, меня задержали дела. В купе с Аидой ехала женщина примерно ее возраста, жена одного адмирала. Аида при случайных знакомствах никогда не рассказывала, что она моя ассистентка. Знала, что покоя не будет от вопросов. Она представлялась чиновницей от эстрады, чаще всего бухгалтером из Госконцерта. Бухгалтерию Аида знала хорошо и могла поддержать любой разговор. Так она поступила и в тот раз. Очень быстро разговор перешел на меня, потому что вся Одесса была заклеена моими афишами. «Я вам такое расскажу про этого Мессинга, что вы ахнете!» – сказала адмиральская жена. То и дело повторяя «честное слово» и «знаю от верных людей», она наговорила Аиде целый воз сплетен обо мне. О моих несуществующих любовницах, о моих коммерческих делах, о том, что в Одессе есть некий моряк, через которого я тайком передаю за границу советы по игре на бирже, о том, что моя ассистентка, которую я выдаю за жену, на самом деле мне не жена, а внебрачная дочь... Хотел бы я иметь дочь, пусть даже и внебрачную. Аида слушала-слушала, а потом раскрыла свое инкогнито. Сплетница покраснела, пулей выскочила из купе, и больше Аида до Москвы ее не видела, наверное, та перешла в другой вагон.

«Напиши! Ты же хорошо пишешь! Куда лучше, чем говоришь!» – убеждала меня жена. Она хранила что-то из моих писем и любила их перечитывать. Да, на бумаге я излагаю мысли лучше, чем в беседе. На бумаге мне проще. Никого вокруг, только я и мои мысли. Уединение – очень важный для меня фактор. Когда я разговариваю с человеком, я невольно отвлекаюсь на него, на его мысли. Труднее всего выступать перед залом. Это только кажется, что в зале тишина. Я слышу, то есть на самом деле не слышу, а вижу, ощущаю нечто вроде хора отрывистых возгласов. Трудно сосредоточиться, приходится прикладывать очень большие усилия. Поэтому после каждого выступления я чувствую себя разбитым. Во время выступлений я всякий раз сильно волнуюсь. От волнения моя речь становится сбивчивой, появляется акцент. О, сколько неприятностей я имел из-за этого акцента! Меня обвиняли в том, что я намеренно подделываюсь под иностранца, низкопоклонничаю и т. д. В чем только меня не обвиняли!

В последний раз к разговору о моих воспоминаниях Аида вернулась незадолго до своей смерти. Я хорошо понимал ее состояние и ее мысли. Уходить тяжело, уходить страшно, но тяжелее тому, кто остался. Моя жена заботилась обо мне до последнего вздоха и даже после своего ухода продолжала заботиться. Она хотела, чтобы после ее кончины я сел за книгу. Хотела, чтобы я пережил, переосмыслил все заново. Это, по ее мнению, должно было помочь мне справиться с горем. Но горе мое было так велико, что мне было не до воспоминаний. Целую вечность длилось мое горе. «В радости год пролетает как день, в горе день тянется как год», – говорила моя бабушка Рейзл, да будет благословенна ее память. Когда боль немного

¹ Аида Михайловна Мессинг-Рапопорт – жена и ассистентка Вольфа Мессинга.

притупилась, я начал подумывать о том, что надо собраться и сесть за книгу. В этом я видел свой неисполненный долг перед покойной женой. Кроме того, я понял, насколько она была права. Кто, как не я, может рассказать обо мне?

При удаче и бык телится. Я уже выкроил немного времени для того, чтобы приняться за свой труд, когда один высокопоставленный товарищ пригласил меня к себе в кабинет и сказал, что люди хотят знать правду о Вольфе Мессинге. Мне было предложено написать о себе, о моей жизни. Мне обещали помощь, сказали, что книга выйдет большим тиражом не только в Советском Союзе, но и за границей. Скажу честно: возможность рассказать о себе всему миру меня увлекла. Раньше я думал о том, чтобы оставить после себя рукопись, которую то ли напечатают, то ли нет. А сейчас мою мечту взяли с неба и вложили мне в руку. «Садитесь, пишите, ждем, очень ждем!»

Старый волк² тоже попадает в капкан. Я так обрадовался, что не сразу обратил внимание на условия. Многие годы, прожитые с Аидой, избаловали меня. Моя покойная жена была ангелом. Она окружила меня такой заботой, о какой и мечтать было нельзя. В жизни много разных мелочей, отнимающих время, мешающих сосредоточиться. Я вспыльчивый, нервный. У меня такой характер, что простая перепалка с электриком может выбить меня из колеи на целый день. Поход на рынок для меня тяжелое испытание, хождение по инстанциям – мука. Многие завидуют мне. Считают, раз я телепат, то могу легко добиться чего угодно от кого угодно. На самом деле это совсем не так. По ряду причин, среди которых нельзя забывать и про этику. Я живу по очень строгим правилам, которые сам для себя установил. Эти правила строже любых законов.

Условия на первый взгляд звучали обтекаемо, но суть их сводилась к тому, что обо мне должно быть написано то, что нужно товарищам из ЦК. Получилась какая-то полуправда, а полуправда – это та же самая ложь, только под другим именем. То, что я рассказывал о себе, проходило одну обработку, другую, третью... В результате я читал и удивлялся: о ком это написано? Если товарищи из ЦК заранее знали, что должно быть написано обо мне, они преспокойно могли бы обойтись без меня. Никого не виню, только себя. Не надо было соглашаться. Нельзя было быть таким наивным. Да, несмотря на все сверхъестественные способности, которые мне приписывает молва, я ужасно наивен. В нынешней жизни я мало что понимаю, и чем дальше, тем меньше понимаю. Я – человек старого времени, не похожего на нынешнее. С книгой меня тоже обманули. Слова «ваша книга» звучали несколько раз, но в конечном итоге дело закончилось журнальной публикацией³. Представляю, как читатели этих строк сейчас улыбнутся – неужели Вольфа Мессинга, умеющего читать чужие мысли, можно провести? Можно. За всю мою жизнь меня не раз обманывали. Я могу уловить многое из того, что недоступно другим, но читать чужие мысли как развернутый свиток я могу не всегда. И не стесняюсь в этом признаться. Для каждого человека, каким бы он ни был, есть что-то невозможное, непознаваемое.

Против моей воли, несмотря на мои возражения, в мои «мемуары» были включены фразы, отрицающие существование Всевышнего. Атеизм в Советском Союзе считается государственной религией, но тем не менее здесь все верят в Бога. Стоит только поговорить с человеком откровенно или же прочесть его мысли, как убеждаешься в этом. Я просил обойтись без этих фраз, но мне ответили, что иначе и быть не может. Когда я прочел якобы свои собственные слова «мусор религиозности», то мне захотелось отшвырнуть журнал и тщательно вымыть руки. Пусть эти слова останутся на совести того, кто их придумал. И это говорилось

² Намек на собственное имя. Wolf переводится с немецкого и английского как «волк».

³ В 1965 году мемуары Вольфа Мессинга были опубликованы в журнале «Наука и религия» (с 7-го по 11-й номер). В тот же период фрагменты мемуаров печатались в журнале «Смена», газете «Советская Россия» и ряде других изданий.

от имени Вольфа Мессинга на весь мир! Я не праведник, мне очень далеко до праведника, но я не атеист и никогда не считал себя таковым.

Неудача с «мемуарами» надолго охладила мой пыл. Я почти расстался с идеей когда-нибудь взяться за перо. Если же эта мысль возвращалась ко мне, я говорил себе: «Не сейчас, еще не время, успею». Несколько раз во сне Аида приходила ко мне и смотрела на меня с укором. Ничего не говорила, только смотрела. Но я и во сне знал, о чем она думает. Наконец настало время, когда уже невозможно говорить себе: «Не сейчас, еще успею». Сейчас. Или никогда уже. В канун нового 1974 года, на пороге своего семидесятипятилетия, я взялся за перо, пообещав самому себе, что не брошу его, пока не допишу все до конца. «Взялся за перо» – как красиво звучит! На самом деле у меня в руке обычная шариковая ручка. До недавних пор я предпочитал перьевые ручки шариковым, я вообще очень старомодный человек, но, когда руки стали дрожать, пришлось изменить свои предпочтения. Обстоятельства владеют нами. Обстоятельства диктуют нам свою волю, а не наоборот. Человек – раб обстоятельств. Нам только кажется, что мы можем на что-то влиять. На самом деле нами от рождения до смерти управляет фатум. Кто может прозревать фатум, тот может предсказывать будущее. Иногда на будущее можно повлиять, если принять определенные меры. Но только иногда. Мне, например, не удастся отсрочить мой уход. Но, зная время своей кончины, я могу успеть закончить свой труд и могу не бояться последствий. Откровенная книга воспоминаний, да вдобавок изданная за рубежом, во «враждебной» капиталистической стране, может причинить автору множество неприятностей. Пускай! Мне уже будет все равно! Зато мне будет приятнее покидать свет, зная, что я оставлю потомкам правдивый рассказ о себе. Все, конечно, в подробностях написать не смогу, да и вряд ли кому-то это будет интересно, потому что подробности моей жизни ценны только для меня самого. Запишу самое важное. И начну не в хронологическом порядке. Мне хотелось бы начать с рассказа об Аиде, о лучших годах моей жизни. Шестнадцать лет мы были вместе, и каждый день я благодарил судьбу за то, что она послала мне эту замечательную женщину. Я догадывался о том, какой подарок уготован мне судьбой, но я и предположить не мог, насколько буду счастлив. У нас в Гуре⁴ говорили: «Хорошая жена – лучшее благословение». Так оно и есть. А еще у нас говорили: «Не ищи красоты, а ищи доброты». Красота меня никогда не привлекала, потому что очень часто за красивым фасадом скрывалось ужасное. Если можешь прозревать внутренний мир человека, то ценишь его внутреннюю, истинную красоту. Но у Аиды внешность гармонировала с характером. Она была ангелом, моим ангелом-хранителем.

⁴ Город Гура-Кальвария Варшавской губернии (ныне – Польша, Мазовецкое воеводство, Пясечинский повят), в котором в 1899 году родился Вольф Мессинг.

Моя жена Аида

Увидев в первый раз Аиду (она сидела в зале, в третьем ряду с краю), я сразу же понял, что вот она – моя судьба. В тот вечер, к стыду своему, я не столько работал, сколько внушал ей, чтобы она подошла ко мне после выступления. Я бы и сам подошел первым, но прерывать выступление было неловко, а после него я мог не успеть, потому что сначала шли аплодисменты, а потом люди подходили с цветами, с вопросами, за автографами многие подходили. Шла война, многие спрашивали о судьбе родных, которые воевали или остались на оккупированных землях. Насчет этого у меня было строгое правило: всем отвечать только хорошее, обнадеживающее. Я считал себя не вправе отнимать у людей надежду. Надежда в то трудное время значила очень многое. На надежде держалась жизнь. Моя бабушка Рейзл говорила: «Плохая новость может и подождать». Случалось говорить неправду своим друзьям, которые спрашивали о пропавших без вести родственниках. Впоследствии некоторые обижались на меня за обман. Но я же человек, а не бездушный Голем!⁵ Разве я могу, глядя в глаза матери, сказать: «Ваш единственный сын мертв»? Не могу. Мой талант – тяжелейшая из нош. Когда мне завидуют, мне хочется воскликнуть: «Знаете ли вы, чему вы завидуете?! Кому вы завидуете?! Каторжнику!» Мой талант хуже любой каторги. С каторги еще можно убежать, а от себя самого не убежишь.

Мои внушения возымели действие. После выступления Аида не ушла вместе с большинством зрителей, а осталась в зале. Она дождалась, пока я освобожусь, и подошла ко мне. К тому времени я знал о ней если не все, то почти все. Я не имею в виду подробности ее биографии. Я знал, кто она, какой она человек, знал, что она испытывает ко мне доброжелательный интерес. Доброжелательный интерес. Слово «любовь» настолько значимо и ответственно, что употребить его на основании непродолжительного наблюдения за человеком я не мог. Тем более что это наблюдение постоянно прерывалось общением с другими людьми. Про себя тоже не могу сказать, что влюбился в Аиду с первого взгляда. Когда тебе сорок пять (всего сорок пять, но тогда я казался себе стариком), влюбиться с первого взгляда уже невозможно. И со второго тоже. Надо хорошенько рассмотреть, что тебе предлагает судьба, а потом делать выводы. Но в то же время я знал, что Аида и есть моя судьба. На самом деле во мне как будто живут два человека. Один все знает наперед, а другой во всем сомневается. Как они уживаются друг с другом, я не понимаю. Но как-то уживаются, вот уже семьдесят пятый год уживаются.

Несколько встреч (кажется, их было три или четыре) убедили нас в том, что мы предназначены судьбой друг другу. Наши судьбы были во многом схожи. Обоим довелось многое пережить. У меня не осталось никого из родных, у Аиды – почти никого. У нее была сестра Ираида, которую она, а за ней и я называли только Ирочкой и никак иначе. Ирочка пережила блокаду, долго болела, Аида очень трогательно заботилась о ней. Эта замечательная женщина и обо мне заботилась очень трогательно. Ее большое сердце не допускало иного. Если Аида любила, то любила самозабвенно, если ненавидела – то от всей души. Когда мы стали жить вместе, я как будто попал в рай. Из моей жизни исчезло множество докучливых забот. Исчезло все, что меня раздражало. То, на что у меня уходили часы, Аида решала в считанные мгновения. «Добрая волшебница, где твоя волшебная палочка?» – спрашивал я. «Здесь», – отвечала она, положив руку на грудь. Если на свете среди людей живут ангелы, то моя Аидочка была одним из них.

Не все могли разглядеть ее ангельскую сущность. Многим она казалась строгой, даже грубой, запелляционной. Один эстрадный деятель, сатирик, чье имя не хочу называть, прозвал Аиду «пани Мессинг». В этом совершенно невинном обращении на польский лад (по-поль-

⁵ Голем – персонаж еврейской мифологии, глиняный человек, оживленный при помощи магии.

ски Аида и была «пани Мессинг») крылась едкая ирония. Слово «пани» в Советском Союзе звучало совсем не так, как в Польше. В Советском Союзе от этого слова веяло нехорошим – барством, безапелляционностью, чванством. Всем тем, чего у Аиды не было и в помине. Превратное впечатление о моей жене сложилось из-за ее сценического амплуа моей ассистентки. Да, на сцене она была строгой, не улыбалась, не шутила, пресекала чересчур вольное поведение зрителей. Не секрет, что на мои выступления приходили и приходят не только те, кому на самом деле интересно, но и те, кому хочется «разоблачить», «вывести на чистую воду». Где они видели эту чистую воду? Кого они хотят разоблачить? Но тем не менее своим поведением один-единственный разоблачитель или просто плохо воспитанный человек может сорвать все выступление. Я очень нервный человек. Стоит мне выйти из себя, и я уже не могу работать. А «вхожу в себя» я долго, на это требуется несколько часов уединения и спокойствия. Аида «держала зал» на своих плечах во время моих выступлений. Она удаляла хамов и «разоблачителей», руководила теми, кто задавал вопросы (я не терплю, когда несколько человек начинают говорить одновременно), соблюдала регламент. Я человек увлекающийся. Порой могу увлечься так, что начисто забываю о времени. Временами я доставлял Аиде больше хлопот, чем зрители в зале. Аида держала в своей прелестной головке все-все, все нюансы с мелочами. Если в зале дуло из щелей или были проблемы с освещением, она требовала, чтобы немедленно навели порядок. «Имейте уважение к людям!» – говорила она и строго хмурила брови. Администраторы всех рангов ее побаивались, знали, что она от своего не отступится. В отместку они распространяли о ней и о нас слухи, один фантастичнее другого. С их легкой руки (хотя правильнее было бы написать «с их грязных языков») пошла молва о том, что Вольф Мессинг находится под каблуком у своей супруги, что он якобы без ее разрешения и шагу ступить не может. Вздорные люди! Дай бог каждому оказаться под таким «каблуком», под каким оказался я! Кроме такого «каблука», никакого другого счастья человеку не надо. Такой «каблук» сам по себе есть счастье! А на деле никакого каблука не было! Аида никогда ничего за меня не решала. Она всегда советовалась со мной и поступала так, как я говорил. Но были дела, решение которых я полностью передал на ее усмотрение. Например, график моих выступлений она составляла самостоятельно, потому что лучше разбиралась как в географии Советского Союза, так и в различных местных нюансах, о которых я понятия не имел. Прожив полжизни в другой стране, в другом мире, я о многом до сих пор не имею понятия. Есть вещи, которые впитываются с молоком матери, усваиваются с детства. Аидочка умела составить график гастрольной поездки с учетом всех особенностей железнодорожного расписания. Она верно представляла, в каком городе сколько раз нужно выступить. Она умела находить общий язык с многочисленными людьми, от которых зависело удобство нашей жизни. Я могу просить и могу требовать, порой могу призвать на помощь телепатию, а моя покойная жена умела потребовать так, что это выглядело вежливой просьбой. И у нее была своя телепатия, которая называлась обаянием. Мне больше нравится звучное французское слово «шарм». У Аиды было море этого самого шарма. «Откуда?» – удивлялся я. Аида шутила: «Я же внучка шадхена»⁶. Ее дед по матери был известным на всю черту⁷ шадхеном. Шадхену положено уметь находить общий язык с людьми так же, как балагуле⁸ положено ладить с лошадьми. Другой дед Аиды был коммерсантом, фактором⁹. Можно считать, что умение ладить с людьми у нее

⁶ Шадхен (шадхан) – сват, посредник при заключении брака у евреев. Поиску подходящей пары традиционно придается большое значение, поэтому эта профессия считается весьма почтенной.

⁷ «Чертой», или, чаще, «чертой оседлости» (полностью: «черта постоянной еврейской оседлости») в Российской империи с 1791 по 1917 год была граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство всем евреям, за исключением нескольких категорий. Часто «чертой» называли территорию, на которой жили евреи. Мессинг хотел сказать, что дед его супруги был сватом, пользовавшимся известностью среди всех евреев Российской империи.

⁸ Балагула – извозчик (*идиши*). От ивритского «баал-аагала» – «владелец колесницы».

⁹ Фактор – агент, торговый посредник (*идиши*).

наследственное. Я этого не умею, трудно схожусь с людьми. И отец мой этого не умел, и дед тоже. Они были арендаторами у помещиков. Им не с кем было ладить. Помещиков интересовали деньги, поденщиков тоже деньги. Знай плати всем, только откуда взять эти деньги? Когда в Советском Союзе совершенно посторонний человек впервые на моей памяти назвал моего отца эксплуататором, я не обиделся, а удивился. Начал объяснять ему, как доставался арендатору его кусок хлеба. Это только название – арендатор. На самом деле мы работали на земле всем семейством. Хорош эксплуататор, который первым делом гонит собирать фрукты жену и детей и сам тоже работает вместе с ними! И никто из поденщиков никогда не упрекал отца ни в чем. Наоборот, они были рады тому, что получили возможность заработать. Времена были такие, что каждый грош был на счету.

В юности Аида мечтала стать актрисой. Некоторое время она проучилась в одной из театральных студий. По ее словам, таких студий в то время было много. «Когда слишком много, то нехорошо», – говорили у нас дома. Аиде не повезло. Ей не встретился режиссер, который смог бы раскрыть ее способности. Актеру нужен режиссер, нужен человек, который укажет правильный путь и поможет сделать первые шаги. Или, если речь идет об эстраде, нужен старший товарищ, наставник. Мастер должен быть рядом, маэстро. Аида не встретила своего маэстро, упустила время, стала сомневаться в себе. Ее никто не поддержал в трудный момент. Аидиной матери не нравился выбор дочери. «Ни Сара, ни Ривка, ни Рахель, ни Лея¹⁰ не были комедиантками», – укоряла Аиду мать. Ей хотелось для дочери обычного женского счастья. Мать выросла в нужде, в многодетной еврейской семье, в которой на один кусок разевалось три рта. И кроме того, как я уже писал, она была дочерью шадхена. Поэтому для своей любимой дочери она видела одну карьеру – удачное замужество. По настоянию матери, без любви, Аида вышла замуж за довольно высокопоставленного партийного деятеля, который успешно делал карьеру. Я не мог взять в толк, что у него была за должность, пока Аида не объяснила, что ее муж был кем-то вроде попечителя учебного округа в генеральском чине. Аиде повезло, если можно назвать везением брак по принуждению. Ее муж был добрым, хорошим, чутким человеком. Он любил ее, старался исполнять все ее желания. Но брак продлился недолго. Муж Аиды сделал свою карьеру благодаря Троцкому¹¹, с которым он чуть ли не в хедер¹² вместе ходил. Как только звезда Троцкого закатилась (позже я еще коснусь этого обстоятельства), закатилась и звездочка мужа Аиды. Он был арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян. Аида осталась на свободе, но от переживаний у нее случился выкидыш, и она больше не могла иметь детей. Мать, сознавая то, что она своими руками устроила дочери трагический брак, с горя заболела и умерла. Отец умер задолго до этого. У Аидочки из всех родных осталась сестра Ирочка. Но Ирочка жила с мужем в Ленинграде, а Аида – в Москве. Она дружила с актером Иосифом Рапопортом¹³, с которым познакомилась во время своего увлечения театром. Это была простая человеческая дружба, ничего более. Благодаря совпадению фамилий их часто принимали за брата и сестру. У них даже отчества были одинаковыми, только Мордхе – отец Иосифа на русский лад переделался в Матвея, а Мордхе – отец Аиды стал Михаилом. Овдовев, Аида была вынуждена пойти работать. Иосиф свел ее кое с кем из эстрадных артистов. К моменту знакомства со мной у Аиды был большой сценический опыт. Она была про-

¹⁰ Сара (жена Авраама), Ривка (жена Ицхака), Рахель и Лея (жены Иакова) – четыре праматери в иудаизме, чьи имена стали нарицательными. «Да уподобишься ты Саре, Ривке, Рахили и Лее!» – традиционное родительское пожелание дочери.

¹¹ Лев Давидович Троцкий (Лейб Давидович Бронштейн, 1879-1940) – видный коммунистический деятель, соратник В.И. Ленина, автор теории перманентной революции. В первом советском правительстве был наркомом по иностранным делам, с 1918 по 1925 год – наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета РСФСР (СССР). С 1923 года являлся лидером внутрипартийной левой оппозиции. В 1927 году Л. Троцкий был выведен из состава Политбюро ЦК и исключен из партии. В январе 1928-го был сослан в Алма-Ату, а в 1929-м по решению Политбюро был выдворен за пределы СССР.

¹² Хедер – еврейская религиозная начальная школа.

¹³ Рапопорт Иосиф Матвеевич (1901-1970) – театральный режиссер и педагог, преподаватель Театрального училища им. Б.В. Шукина. Заслуженный деятель искусств РСФСР, заслуженный артист РСФСР.

фессиональной ассистенткой. Неправы те, кто преуменьшает роль ассистента, те, кто считает, что ассистентом может быть любой человек. О нет, ассистировать – это целое искусство! Не меньшее, чем выступать на сцене. Недаром есть шутка: «Хорошего ассистента найти труднее, чем хорошую жену». Мне повезло – я обрел и то и другое.

Тот, кто обжегся, дует и на холодное. Память о неудачном браке засела глубоко в сердце Аиды. Она не сразу приняла мое предложение, сказала, что ей надо подумать, но все же приняла его.

Ангел! Ангел! Это был ангел во плоти! Просыпаясь по ночам (я часто просыпаюсь по ночам, это нервное), я спрашивал себя: «Велвеле¹⁴, за что тебе такое счастье?» Я не мог ответить на этот вопрос. Настоящее счастье всегда незаслуженно. Чем можно заслужить счастье? Какими подвигами? Какими добрыми делами? Подвигов я не совершал. Добрые дела иногда делал, но не столько их было, моих добрых дел... Я не отказывал людям в помощи, если мог помочь им, но не вижу в этом какой-то особой заслуги, потому что если мне кто-то помогал, то и я должен кому-то помочь. А мне много помогали, причем очень часто помогали совершенно посторонние люди. О некоторых я напишу дальше. Может, напишу не обо всех, но помню я всех своих благодетелей и для каждого прошу у Бога добра. Отношения с Богом у меня сложились странные. Оказавшись там, где я оказался, я был вынужден скрывать свою религиозность. Я никогда не был ревнителем веры, но атеистом тем более не был. В стране, где атеизм был возведен в ранг национальной религии, мне пришлось маскировать свою веру под причуды старомодного человека. Иначе было нельзя. Но сецер¹⁵ есть сецер, если он проведен должным образом даже как причуда старомодного человека. У нас не было детей, поэтому афикоман¹⁶ всегда искала Аида. Мне невозможно было это делать, потому что я бы знал, где спрятан афикоман, еще до того, как он был бы спрятан. Спрятанное я нахожу мгновенно, стоит лишь взглянуть на человека, который спрятал. Можно и не глядеть, достаточно взять за руку или просто находиться рядом. Молва незаслуженно приписывает мне невероятные успехи в поисках кладов. Увы, я не могу найти клада, не вступив в контакт с человеком, его спрятавшим. Сам по себе клад не подает никаких сигналов. Нюха на золото и драгоценности, подобного нюху на воду, которым обладают некоторые люди, у меня нет. Но человек, который что-то спрятал, расскажет мне об этом даже против своей воли. Несколько раз это мое качество послужило торжеству справедливости. В Лонжюмо, близ Парижа, я помог полиции разоблачить человека, нет, не человека, а выродка, который ради получения наследства отравил свою мать. Он спрятал настоящее завещание за одной из висевших на стене картин, а поддельное положил в стол. На вопрос, почему он не сжег завещание, выродок ответил, что хотел сохранить его на память о матери. В Данциге¹⁷ я нашел драгоценности, украденные у моей соседки по отелю одной из горничных. Кража вызвала огромный переполох, потому что были украдены фамильные драгоценности одного из самых блистательных аристократических семейств Польши. Узнав о краже, я попросил директора отеля собрать весь персонал в вестибюле. Воровку я увидел сразу и сразу же узнал, где она спрятала украденное. Девушка была молода, я пожалел ее и назвал только место, но не имя воровки. На следующий день я обнаружил у себя в номере на кровати прелестный кисет, вышитый бисером, и понял, что то был дар благодарности за мое молчание. Кисет долгое время служил мне, пока его не отобрали в гестапо.

¹⁴ Велвеле – уменьшительное от «Велвел» или «Велвл», настоящего имени Вольфа Мессинга, в переводе с идиша означающего «волчонок».

¹⁵ Сецер (Сецер Песах) – ритуальная семейная трапеза во время праздника Песах.

¹⁶ Афикоман – часть мацы, которую заворачивают в салфетку и прячут во время пасхальной трапезы. Традиционно афикоман ищут дети, нашедший получает подарок. Трапеза считается оконченной после того, как каждый участник сецера съедает кусочек афикомана.

¹⁷ Старое немецкое название польского города Гданьска.

Аиде нравилось во мне все, кроме одного – что я много курю. Она уговаривала меня курить меньше, а то и вовсе отказаться от этой привычки. Она была права, потому что все мое нездоровье происходит в первую очередь от курения. Но что поделать? Табак для меня необходим. Должен заметить, что пеняла Аида очень деликатно, не обидно, не назойливо. У нее было чудесное свойство говорить самую неприятную правду так, что люди на нее не обижались. Я так не умею. Я иногда такой комплимент сдуру скажу, что человек обидится, хотя я совсем не желал его обидеть. Я раздражителен, часто бывало так, что мое раздражение выходило за допустимые рамки. Аида сразу вмешивалась и все сглаживала. Наедине мы часто звали друг друга «папочкой» и «мамочкой». Аида называла меня «папочкой», потому что я был старше и многое повидал в жизни (эх, я бы предпочел повидать гораздо меньше, но судьба меня не спрашивала). А я звал ее «мамочкой», потому что она заботилась обо мне как настоящая мать. Пусть мои слова не прозвучат никому упреком, потому что я никого не собираюсь упрекать, но родная мать не проявляла столько заботы обо мне, сколько проявляла Аида. То был подвиг, самопожертвование. То была настоящая любовь.

Я очень любил слушать рассказы Аиды. Закрывал глаза, отключал все чувства, кроме слуха, и слушал, слушал, слушал... Только слушал, не улавливал никаких *fluidus*¹⁸. На время из Мессинга превращался в обычного человека, мужа самой замечательной жены на свете.

Про подвиг я упомянул не просто так. Забота Аиды обо мне была настоящим подвигом. Тяжело бодея, она ухитрялась совмещать мое расписание с планом своего лечения и ездила со мной до тех пор, пока силы совершенно не оставили ее. О, как я корил себя за то, что в свое время не проявил должной настойчивости, не взял ее за руку и не отвел к врачу. Видел же! Понимал! Знал! Но счел неуместным проявлять чрезмерную настойчивость. Сказал раз, сказал два – и удовлетворился ее уклончивыми ответами. А ей, бедняжке, было страшно признаваться самой себе в том, что в ее теле поселилась смертельная болезнь. Она тянула время, а я, старый глупец, пошел у нее на поводу. До сих пор не могу себе этого простить и никогда уже не прощу. Спустя несколько месяцев после смерти Аиды Ирочка упрекнула меня: как я мог быть рядом с Аидой и позволить ей так запустить болезнь? Я не знал, что ответить, и заплакал. Мы плакали вместе, долго. После смерти Аиды наши отношения с Ирочкой изменились. У Ирочки не было той чуткости, которая была присуща ее сестре. Она упрекала меня не столько словами, сколько в мыслях – но я же все это понимал. Говорят, что общее горе сближает. Нас с Ирочкой оно, напротив, разобщило. Ушел человек, который связывал нас, и мы стали чужими друг другу.

Женившись, я осознал смысл польской пословицы «*Kto się ożeni, to się odmieni*»¹⁹. Семейная жизнь меняет людей, делает их счастливыми или несчастными, заставляет иначе смотреть на мир. От некоторых людей, в том числе и от тех, кого я весьма уважаю, мне приходилось слышать, что супругам не стоит работать вместе. Нельзя постоянно, и дома, и на работе, быть на глазах друг у друга. Надо друг от друга отдыхать. Мне искренне жаль тех, кто так считает. От чего отдыхать? От счастья? Мне никогда не надоедало видеть Аиду. Мне никогда не хотелось «отдохнуть» от нее. Напротив, стоило нам расстаться на день или на два, как я начинал испытывать такую тоску, которая выбивала меня из равновесия. Когда Аида ушла навсегда, мне казалось, что я не смогу пережить ее ухода. Но вот смог, пережил и уже который год живу в ожидании нашей встречи там. Думаю об Аиде каждый день, но во сне вижу ее нечасто.

«Что я могу для тебя сделать?» – в отчаянии спросил я у Аиды незадолго до ее смерти. Я готов был совершить невозможное, готов был достать луну с неба, если бы это могло исцелить мою бедную жену. «Не пиши на памятнике дату моего рождения, – неожиданно попросила она. – Не люблю, когда ходят по кладбищу и высчитывают, кто сколько прожил». Я поступил так, как она просила. Аида не любила афишировать свой возраст. Говорила, что чувствует

¹⁸ *Fluidus* (лат.) – флюиды.

¹⁹ «Кто женится, тот изменится» (польск.).

себя моложе своих лет, и так оно на самом деле и было. За небольшую взятку ей даже удалось изменить дату рождения в документах. Меня это милое женское кокетство забавляло.

Когда-то мы с Аидой мечтали, как будем жить долго и счастливо. Вернее, мечтала она, я только поддакивал. Я чувствовал, что наше счастье будет не таким уж и долгим, и оттого дорожил каждым днем, прожитым вместе с моей любимой женой.

У меня давно другая ассистентка, но нередко во время выступлений мне кажется, что мне ассистирует Аида. Как будто дух ее является мне. Но это случается, только когда я на сцене.

Пилсудский

Я всегда рассказываю правду о себе. Рассказываю все как было на самом деле, ничего не преувеличивая. Чужой славы мне не надо, хватает своей, а ложь всплывает, как масло в воде. Все вымыслы, которые ходят обо мне, рождены не мной, хотя многие выдумщики говорят: «А мне сам Мессинг рассказывал...» С моими воспоминаниями произошел вопиющий случай. Сейчас, по прошествии многих лет, я воспринимаю его как анекдот, но тогда возмущению моему не было предела. В своих воспоминаниях, в якобы своих воспоминаниях, я наткнулся на рассказ о моей поездке в Индию и встрече с Махатмой Ганди!²⁰ Но я никогда в жизни не бывал в Индии и не встречался с Ганди! Имя его ни разу не звучало в моих воспоминаниях. Признаться, я о нем ничего не знал, только слышал краем уха, что есть такой политик. В ответ на высказанное возмущение мне объяснили, что Ганди появился в моих воспоминаниях «по политическим соображениям». Крепнет советско-индийская дружба, и будет хорошо, если такой известный человек, как Вольф Мессинг, скажет несколько теплых слов о Махатме Ганди! Меня сразил наповал аргумент: «Разве вам жалко нескольких слов для Махатмы Ганди?!» Мне не жалко, тем более что он весьма достойный человек, но зачем заставлять меня говорить неправду? Вот уже который год я вынужден рассказывать во время своих выступлений о встрече с Махатмой Ганди. О встрече, которой не было. И о своей поездке в Индию вынужден рассказывать. Интерес к Индии велик, поэтому мне задают эти вопросы чуть ли не на каждой встрече. Я стараюсь быстро пересказать отрывок из моих воспоминаний и перейти к следующему вопросу. Дурацкое состояние, когда ты вынужден врать. Но русские недаром говорят: «Что написано пером, того не вырубить топором». Хуже всего бывает, когда на моем выступлении оказываются индусы. Это случается довольно-таки часто. Они сразу же начинают выпрашивать подробности. Боясь быть разоблаченным в чужой лжи, я делаю знак ассистентке, и она просит зрителей не отвлекать меня лишними вопросами, не сбивать мой настрой.

Были в моих «воспоминаниях» и другие вымышленные моменты. Я о них скажу позже, к месту.

Я всегда рассказываю правду о себе. Но однажды я сказал о себе неправду намеренно. Теперь уже могу в этом признаться. В анкетах и автобиографиях я писал, что служил в польской армии с 1921 по 1922 год. На самом же деле моя служба пришлась на конец советско-польской войны. Я был призван в марте 1920 года и демобилизовался в мае следующего года. Можно было вообще не указывать в анкетах этого обстоятельства, но я указал, только немного сдвинул даты, чтобы не считаться «врагом» – участником советско-польской войны на стороне поляков. В боевых действиях я и в самом деле не участвовал, служил в санитарях. Военный чин (не помню уже его звание), от которого зависела моя судьба, увидев меня, брезгливо процедил сквозь зубы: «Żyd nie jest żołnierzem»²¹, – и отправил меня служить в санитарную часть. Я всегда болезненно воспринимал нападки на мою национальность, но в тот раз не возмутился, потому что я и в самом деле был не солдат – хилый, тощий, нескладный, близорукий. Кроме того, я представить не мог, как возьму винтовку и стану стрелять в людей. Тем более – в совершенно незнакомых, которые мне ничего плохого не сделали. А вот санитарное дело пришлось мне по душе. Я сострадательный человек, и мне нравилось помогать раненым, заботиться о них. Делать добрые дела вообще приятно.

²⁰ Махатма (Мохандас Карамчанд) Ганди (1869-1948) – индийский политический и духовный лидер, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании, основатель Республики Индия.

²¹ «Еврей – не солдат» (польск.).

Юзеф Пилсудский²² был первым из сильных мира сего, с которыми меня свела судьба. Наша встреча произошла в мае 1920 года в Варшаве. Незадолго до того Пилсудский стал первым маршалом Польши, и от меня не укрылось, как он этим гордился. Меня доставили к Пилсудскому в смятении и растерянности. А что мог подумать простой санитар, когда за ним вдруг являются поручик и трое солдат, велют немедленно собраться и везут в Варшаву под конвоем? И при этом сами не знают, куда именно и зачем они меня везут. Им приказано доставить меня в такое-то место, они выполняют приказ. Я пытался узнать, что меня ждет, но в тот момент мое будущее было от меня скрыто. Не всегда удастся видеть будущее, тем более свое собственное. Нужен определенный настрой, а я нервничал, потому что солдаты обращались со мной не очень-то вежливо. Когда я замешкался у вагона, один из них грубо ударил меня прикладом по спине, а поручик, вместо того чтобы сделать замечание грубияну, обругал меня. Такое отношение не могло не обеспокоить меня. Перебрав в уме все возможные варианты, я решил, что меня сочли виновным в шпионаже. Тогда у поляков принято было считать всех евреев красными шпионами. Как санитар я не имел доступа ни к каким ценным сведениям, но в чем еще могли меня обвинить? Службу свою я исполнял добросовестно, был на хорошем счету у начальства. К тому же за мелкие провинности, такие, например, как нерадивость или кража, наказывали на месте. В Варшаву, да еще под таким сильным конвоем (четыре человека на одного меня, безоружного) могли везти только по обвинению в шпионаже. «Плохи твои дела, Велвеле», – сказал я себе и стал сочинять речь в свое оправдание. Вот, думаю, начну с того, что служу уже не первый день, что служу старательно, что пан капитан Журек мною доволен и т. п. Фамилию капитана я запомнил на всю жизнь, потому что очень люблю этот суп²³. Настолько, что Аидочка по моей просьбе выучилась его готовить.

В Варшаве меня привели в какой-то штаб, где было полным-полно военных чином не ниже майора. Увидев, что меня привезли не в тюрьму, я успокоился. Беспокойство ушло, осталось только любопытство. Полковник (не кто-нибудь, а полковник!), которому меня передал поручик, обращался со мной, двадцатилетним санитаром, как с равным. Спросил, хорошо ли я доехал и не голоден ли я. Я был голоден, потому что в дороге питался галетами, запивая их водой. Однако ответил, что со мной все в порядке, и спросил, могу ли я узнать, что происходит. Полковник ответил, что меня хотят видеть высокопоставленные особы. Я уже понял это, вплоть до имен особ, которых он мне не назвал, но моя догадка была настолько неожиданной, что я захотел получить словесное подтверждение, и получил его. После непродолжительного ожидания в большой приемной меня провели в кабинет, где за длинным столом сидели четверо: маршал Пилсудский, два генерала и человек в штатском костюме. Их имена были мне неинтересны, поэтому я их не запомнил. Пилсудский единственный среди них выглядел не напыщенно, а величественно. Стоило мне встретиться с ним взглядами, как сразу стало ясно, что передо мной очень умный, сильный, волевой и очень проницательный человек. Взгляд у Пилсудского был тяжелым. Мне показалось, будто сказочный великан положил мне руки на плечи, но я выдержал взгляд. Пилсудскому это понравилось. Его длинные усы дернулись, а взгляд немного потеплел. Пилсудский указал рукой на один из свободных стульев, но я поблагодарил его кивком и остался стоять на ногах. Не потому, что хотел показать свое рвение, а из других соображений. Стул находился дальше от Пилсудского, чем стоял я, а мне хотелось быть как можно ближе к нему, чтобы не пропустить ни одного сигнала, ни одного движения. Кроме того, стоя мне легче работать, нежели сидя. Нервное возбуждение не дает усидеть на месте.

²² Юзеф Пилсудский (1867-1935) – польский государственный и политический деятель, первый глава возрожденного польского государства, основатель польской армии, маршал Польши.

²³ Журек (жур) – блюдо польской и белорусской кухни, суп на основе закваски из ржаной или овсяной муки.

Разговор начал Пилсудский. Он сказал, что слышал обо мне от дипломата Йодко-Наркевича²⁴, который побывал на одном из моих выступлений в Варшаве. Я не мог предположить, что такой человек заинтересуется моей персоной. Тогда я еще не был избалован вниманием высокопоставленных особ. «Вы хорошо спрятались, вас было нелегко найти», – пошутил Пилсудский и перешел к делу. Он сказал, что у него исчез очень ценный портсигар, серебряный, не золотой, но который дорог ему как память. Пилсудский спросил, не могу ли я найти портсигар.

Я понял, что это только испытание. Главное впереди. Было ясно, что портсигар спрятан где-то здесь, рядом, в кабинете или в здании. Я попал в неловкое положение. Для того чтобы найти портсигар наверняка, мне было нужно установить телесный контакт с Пилсудским, то есть взять его за руку. Так я могу улавливать даже самые незначительные импульсы. Но это было невозможно. Как я, простой санитар, могу позволить себе такую вольность по отношению к маршалу? Он маршал, шляхтич, аристократ, а я бедный еврей-санитар! Поляки очень щепетильны в отношении приличий. Тем более нас разделял стол. Он пролегал между нами как граница. А если не взять Пилсудского за руку, то был шанс ошибиться и провалить испытание. Или просто затянуть поиски. А мне очень хотелось произвести впечатление на этих важных господ. Хотелось сразить их наповал, чтобы они поняли, с кем имеют дело. В молодости я был очень гордым, пока жизнь не сбила с меня спесь.

Со временем я научился обходиться без телесного контакта, но тогда это умение еще не было отточено должным образом. Телесный контакт очень важен в том случае, когда приходится выступать при большом количестве людей. Нужно сосредоточиться на мыслях и чувствах одного человека, моего индуктора, выделить его из толпы. Нужно услышать его мысли сквозь хаотический шум прочих мыслей. Зрелищность, наглядность тоже имеет некоторое значение: человек выходит из зала на сцену, я беру его за руку и так далее. Но сейчас требовалась не наглядность, а портсигар, и передо мной было всего четыре человека. На мое счастье, они, сами того не желая, помогли мне. Во время небольшой паузы каждый из четверых по очереди ненадолго скосил глаза влево, на портьеру, наполовину закрывавшую окно. Взгляды были быстрыми, незаметными, но для меня это было все равно, что указать пальцем. Не говоря ни слова, я подошел к портьере и картинным жестом отдернул ее. На подоконнике лежал портсигар. Тяжелый, серебряный, с гравированной надписью. «Вот ваша пропажа, пан маршал», – сказал я, передавая портсигар Пилсудскому. «Как вы это делаете?» – удивился он. Господа переглянулись, пошептались. Я ждал. Пилсудский убрал портсигар в карман и спросил, могу ли я видеть будущее. Я ответил, что иногда мне это удается, но для этого нужен особый настрой, и далеко не все, что захочу, я могу увидеть. Его вопрос я прочел во взгляде: Пилсудский хотел узнать, чем закончится война с Советской Россией. Война эта шла с переменным успехом. То поляки занимали Киев, то Красная Армия подходила к Варшаве. Правда, на момент нашего разговора удача была на стороне поляков. Тухачевский²⁵

²⁴ Витольд Йодко-Наркевич (1864-1924) – польский революционер, политический деятель, публицист, дипломат. В 1920-1921 годах исполнял обязанности посла Польши в Османской империи в Стамбуле.

²⁵ Михаил Николаевич Тухачевский (1893-1937) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935). Расстрелян в 1937 году по «Делу военных», реабилитирован в 1957 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.